

Страницы истории

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ АБХАЗСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

В. В. Похлебкин *

1. Постановка вопроса и характер правовых аргументов

Абхазскую проблему, как и всякий сложный вопрос, касающийся национальных и территориальных отношений да к тому же имеющий длительную, почти 2500-летнюю историю, можно рассматривать с различных сторон: исторической, национально-этнической, военной, а также с государственно-правовой и международно-правовой. На двух последних аспектах, которые вообще не затрагивались никогда при обсуждении абхазского вопроса за все время его существования, мы и сосредоточим наше внимание.

В основном нам придется заняться выяснением прав, возникающих у того или иного субъекта международных отношений или у национальной части какого-либо государства в процессе ее отделения от метрополии и ведения войны за свою национальную независимость как отдельного государства.

Специфической стороной абхазской проблемы является то, что как раз ее правовые аспекты, хотя и существуют вполне объективно, на практике выступают лишь в косвенном, опосредствованном виде, а не в виде ясных, точных, убедительных правовых коллизий, дилемм или аргументов.

Происходит это от того, что на первый план в абхазской проблеме ярко, четко, определенно выдвигаются исторические и национальные вопросы, которые в своей совокупности дают достаточный материал для доводов в пользу независимого существования Абхазии как государства. В такой ситуации нет особой нужды искать какие-то дополнительные и непременно производные от исторических и этнических реалий юридические зацепки и аргументы, когда имеются базовые историко-этнические доказательства, то есть многовековым опытом и национальными восстаниями

* Кандидат исторических наук.

неоднократно подтвержденная несовместимость как абхазско-турецкого, так и абхазско-грузинского государственного объединения.

Иными словами, зачем искать правовые аргументы, когда вполне достаточно исторических, политических, экономических и этнических, чтобы увидеть и понять неоспоримость прав абхазского народа именно на самостоятельное, без чужой опеки, независимое существование как государства?

С точки зрения здравого смысла действительно незачем. Но спросим себя честно: многие ли вопросы государственной и межгосударственной политики — в том числе и вполне очевидные — решались и решаются с точки зрения здравого смысла?

Ведь, в сущности, само возникновение правовых принципов для выяснения истины было исторически обусловлено тем, что **одной лишь очевидности** той или иной проблемы для спорящих сторон, одних лишь аргументов в пользу здравого смысла было или казалось **недостаточно**, по крайней мере одной, «неправой» или «теряющей» в том или ином споре стороне.

При этом речь идет не о внутреннем, естественном убеждении, а о таком, которое заставляло бы буквально против воли одного из спорящих признать правоту своего оппонента или решение, вынесенное третейским судом.

А для этого, оказывается, необходимы не одни лишь очевидные, разумные аргументы, но и *формальные*, особые логические построения, которые своей категоричностью заставили бы одну из спорящих сторон согласиться с мнением противной стороны, несмотря на свое нежелание и даже вопреки невыгодности такого согласия. *Именно так возникли формальности правовых знаний, правовой науки и практической юриспруденции*: они явились «беспристрастным» инструментом, исключающим эмоциональный подход, то есть субъективность при решении разного рода щекотливых проблем, в том числе имущественных, национальных и территориальных.

Особенно необходимыми становятся правовые аргументы в чрезвычайных или сложнейших, запутанных и не поддающихся разрешению из-за упрямства сторон вопросах. Во всех иных случаях, при наличии доброй воли сторон, достаточно аргументов разума, фактических (экономических, этнических, религиозных и т.п.) и иных рациональных доказательств для справедливого, взаимопризнанного спорящими сторонами решения любого вопроса.

Но мы, доживя до XXI века, к сожалению, забыли об этом и требуем правовых аргументов даже в очевиднейших и простейших случаях, ибо ни одна из участвующих в споре политических сил не желает признавать очевидное право другой и надеется решить во-

прос в свою пользу на основе реально складывающегося соотношения своих сил, и не в последнюю очередь сил военных.

Именно в таких случаях необходимо применить право, ввести в действие формальные приемы для обуздания сторонников силового решения проблемы, то есть необходимо **доказывать очевидное** при помощи всеми объективно признаваемых формальных методов или **при помощи юридических аргументов**.

Именно таким представляется ныне абхазский случай, *абхазская проблема*. Исторические и национально-этнические права абхазского народа и Абхазии как особой страны очевидны. Но юридические?

По крайней мере до сих пор они при решении абхазской проблемы никем активно и последовательно не применялись. И происходит это потому, что юридические аспекты не выступают на первый план, они скрыты, их надо еще найти. С теоретической точки зрения поиск правовых аргументов для решения любого вопроса — весьма интересная, увлекательная работа. Но везде ли, в любом ли вопросе имеются правовые аспекты? А потом, где и как искать правовые аргументы? Что ставить в юридическую плоскость — историческое развитие, дающее материал для обоснования прав Абхазии на отдельное государственное существование, или выдвигать право абхазской нации на самоопределение и самостоятельную жизнь?

Думается, что все так называемые национальные аргументы должны быть подвергнуты проверке на их «прочность» с юридической точки зрения и затем суммированы как некий общий юридический аспект абхазской проблемы.

Весьма обычными аргументами в абхазско-грузинской полемике о статусе Абхазии, и особенно в поддержку ее автономного, а тем более независимого от Грузии существования, служат исторические аргументы. Однако указание на то, что, скажем, Абхазия существовала как самостоятельное государство еще тысячу лет тому назад, не служит убедительным доводом для той части грузинской городской образованной общественности, которая всегда привыкла рассматривать абхазцев как кучку деревенских базарных торговцев в преобладающем море грузинского образованного культурного городского населения. Ссылки на историю кажутся ныне таким современным грузинским деятелям даже несколько комичными, и во всяком случае архаичными, не имеющими отношения к современной обстановке. Именно при таких обстоятельствах необходимо поставить исторические аргументы в строго юридическую плоскость, придать им вес вполне объективного фактора, то есть рассматривать их как определенный, регулярно повторяющийся на протяжении длительного исторического развития страны **преце-**

дент, то есть вполне легитимную юридическую категорию, обладающую традиционным солидным правовым статусом и весом.

Итак, во-первых, с середины VIII века, то есть на 100 лет ранее создания Киевской Руси, Абхазия стала независимым государством (746 г.) и просуществовала в этом качестве непрерывно 200 лет — до 985 г. За это время Абхазия распространила свое влияние на более отсталую в экономическом и культурном отношении Имеретию (Западную Грузию) и, присоединив к себе эту территорию, стала именоваться Абхазским царством, сохраняя этот статус до 1239 года. Таким образом, Абхазия не перестала быть в конце X века самостоятельным государством, а еще и повысила свой статус с княжества до царства.

Абхазское же царство прекратило существование в 1239 году потому, что процветающая приморская Абхазия не захотела более тащить на своих плечах нищую, отсталую Имеретию и отделилась от нее вновь в самостоятельное княжество как удел князей Шервашидзе. Таким образом, и в 1239 году, при новом изменении своего статуса, Абхазия не лишилась государственности, а продолжала оставаться независимым, хотя и меньших размеров, княжеством, то есть вернулась в прежние пределы и состояние. Ее фактическая «смерть», то есть отказ от государственной независимости, наступила примерно в середине XIII века по причинам, совершенно независящим от самого абхазского государства, а в связи с монголо-татарским завоевательным процессом, охватившим весь тогдашний мир. Чтобы избежать монголо-татарского ига, маленькая Абхазия отдалась под военный протекторат Генуи, избрав меньшее зло.

Следовательно, Абхазия как независимое государство просуществовала непрерывно свыше 500 лет (746—1248 гг.), продемонстрировав за полтысячелетие свою социальную, экономическую и национальную устойчивость как государства. Причиной утраты Абхазией своей государственности были внешние обстоятельства — агрессия сильнейшего в то время в военном отношении государства Евразии — державы Чингизидов, и в первую очередь — Золотой Орды. Лишь с ликвидацией последней открылась возможность восстановления абхазской государственности.

Вторично абхазское государство было восстановлено в 1497—1501 годах, то есть на рубеже XV и XVI веков, и просуществовало как абсолютно независимое вплоть до 1578 года, то есть до нового турецкого завоевания. Как и в первый раз, абхазское государство пало под ударами внешней интервенции сильнейшей в военном отношении державы данного региона — Османской империи.

Таким образом, второй раз независимое абхазское государство просуществовало всего около 80 лет. Лишь в начале XIX века, после русско-турецкой войны 1806—1812 годов, Абхазия вышла из

турецкой неволи, так как была уступлена Турцией России и стала частью Российской империи (формально с 1810 г.).

Таким образом, до XIX века, за тысячелетний период своего исторического развития, Абхазия существовала как независимое государство дважды, в общей сложности почти 600 лет, то есть две трети своего исторического пути, причем дважды это независимое абхазское государство ликвидировалось в результате внешней агрессии (т.е. насильственно) со стороны иностранной державы.

Тем самым устанавливается исторически зафиксированный прецедент длительного существования абхазского независимого государства, которое показало себя экономически и социально жизнеспособным и национально жизнестойким образованием, поскольку и под иностранной оккупацией абхазцы сохранили свой национальный идентитет — язык, культуру, особенности своей этнической общинной организации.

Однако, перейдя в начале XIX века из положения колонии одной империи (Турецкой) в положение колонии другой империи (Российской), Абхазия так и не обрела более утраченной государственности.

И тем не менее история Абхазии за последние 300 лет дает достаточно оснований для подтверждения и другого *прецедента*, который весьма весом при мотивировании выделения Абхазии в отдельное независимое государство. Речь идет о десятках и даже сотнях случаев, когда абхазский народ открыто, массово, систематически выражал свой протест против иноземных завоевателей, не соглашался подчиняться военно-колониальной администрации, выступал с вооруженными восстаниями против своих работодателей. Так, в XVIII веке абхазцы совершали крупные восстания против турецких захватчиков в 1725, 1728, 1733-м и в 1806 годах, а в период 1817—1866 годов неоднократно восставали против грузинского засилья и поддерживавшего грузинских дворян русского военно-полицейского аппарата. В результате грандиозного национального восстания 1866 года, в котором участвовало 20 тыс. вооруженных абхазских крестьян, Абхазия превратилась в крайне опасный для русской власти фактор на стратегически важной русско-турецкой границе, и во время последующей русско-турецкой войны Абхазия фактически полностью отложилась от России на два года (1877—1878 гг.), а когда война завершилась победой России, то 400 тыс. абхазцев, то есть более половины ее населения, эмигрировали в Турцию, опасаясь репрессий русских властей за участие в восстаниях. Именно после этого началось массовое заселение Абхазии грузинами и мингрелами, чему активно содействовала царская администрация и чему положила конец лишь Октябрьская революция 1917 года, когда вновь, в третий раз была провозглашена государственная независимость Абхазии.

Таким образом, зафиксированными и документально подтвержденными фактами являются неоднократные прецеденты резких (вплоть до вооруженных) протестов абхазского населения против действий иностранных захватчиков (турок, грузин, русских) и стойкая непримиримость абхазского народа любым попыткам его национального и социального порабощения, даже при неблагоприятном соотношении сил. Абхазцы предпочитают погибнуть, но не сдаваться.

Этот факт имеет силу правового аргумента, поскольку он постоянно повторяется, то есть не случаен, и всегда осуществлялся исторически последовательно. Во всяком случае, с точки зрения права от этого факта нельзя отмахнуться, его нельзя игнорировать.

Наконец, третьей группой аргументов, имеющих уже чисто юридическое значение, являются факты, связанные с административным и конституционным развитием Абхазии. Эти факты относятся целиком к новой и новейшей истории, к 1860—1917 годам и к 20—70-м годам XX в., или к советскому периоду абхазской истории. Именно на этом основании эти факты не принимаются в расчет в последнее время, что объясняется отчасти фальсификацией конституционного развития Абхазии в советское время, а отчасти нигилистски-конъюнктурным подходом заинтересованных сторон к фактам истории административного и конституционного развития Абхазии, особенно в советское время. Тем самым происходит своеобразная дискриминация правовых аргументов, обосновывающих государственную независимость Абхазии, по мотивам того, что такие аргументы возникли в советский период и относятся к советскому государственному праву.

Однако при этом забывают, что никакой характер политической эпохи не может лишить конституционные аргументы их юридической силы. Тем более, что факты абхазско-грузинских отношений в советское время касаются именно чисто правовой, административной или конституционной стороны вопроса. Именно эти факты послужили основой для возникновения в 20-е годы и к продолжению в 30-е и 60—70-е годы конфликта между грузинской республиканской и абхазской автономной администрациями. Этот конфликт, эти противоречия после развала СССР переросли в *вооруженные* столкновения, а фактически в войну между Грузией и Абхазией.

Каковы же эти факты и как они возникли и модифицировались за десятилетия? И почему именно правовой конфликт не мог быть решен мирным путем, а вызвал такое обострение абхазско-грузинских отношений, что перерос в войну?

Постараемся последовательно, в хронологическом порядке осветить эти вопросы.

2. Особенности административно-правового и конституционного положения Абхазии в 1864—1917 и в 1917—1931 годах

До Октябрьской революции, и даже до 1922 года, то есть до официального образования Закавказской Федерации, Абхазия по своему административному положению как в царской, так и в Советской России принадлежала к региону Северного Кавказа, хотя географически и находилась за Большим Кавказским хребтом, то есть в Закавказье.

Такое деление сложилось чисто исторически и имело в своей основе как этнические, так и конкретно-географические причины, то есть объяснялось *местными географическими и даже топографическими условиями* или, иначе говоря, в соответствии с реальными обстоятельствами. В 20-е же годы XX в. вопрос о географической принадлежности Абхазии стал решаться «научно» и «кабинетно», а фактически — на основе школьной географической карты, на которой Абхазия четко и ясно лежала по южную сторону Главного Кавказского хребта, то есть по ту же сторону от «темной коричневой линии», как и остальное Закавказье. И этого формально-географического признака оказалось достаточно, чтобы соединить Абхазию вопреки истории и этнографии с Закавказьем.

Однако на самом деле географическое положение этой страны определялось иными географическими реалиями, хорошо видимыми на местности, но незаметными на примитивных школьных географических картах.

Дело в том, что недаром даже римляне и гетузы называли Абхазию в древности «калиткой на Кавказ». В ее северной границе, Главном Кавказском хребте, было несколько проходов-перевалов, из которых три — Нахар, Марухский и Клухорский — были самыми значительными: широкими, удобными для прохода и проезда конных и пеших людей, а также небольших повозок, а главное — прямо подводили путника к истокам рек, текущих в пределы Северного Кавказа: Марух к реке Маруху, Клухор — к Теберде, а Нахар — к истокам Кубани. Именно этими путями осуществлялась непрерывная вековая связь родственных по языку, культуре и расе народов Северного Кавказа: абхазцев, адыгов и черкесов, а также кабардинцев и карачаевцев.

Именно учитывая эти реалии еще в XVIII—XIX веках, не располагавшие школьными картами XX века, турецкие и русские администраторы относили Абхазию не к Закавказью, а к так называемой Черноморско-Кубанской области.

При русской администрации в конце XIX века Абхазия вначале составляла особый Сухумский военно-пограничный округ (отдел),

управляемый с 1864 года непосредственно военным министерством России, а затем, после русско-турецкой войны 1877—1878 годов, была включена в так называемую Черноморскую губернию. В этом административном подчинении Абхазия находилась и при советской власти, до весны 1921 года.

При организации Абхазской Республики в ее состав советским правительством были выделены из состава Черноморской губернии следующие административные единицы: Сухумский округ и Гагринский, Гудаутский, Гумистинский, Кодорский, Самурзиканский уезды.

Таким образом, *Абхазия к Грузии до 1922 года никоим образом административно не относилась* да и вообще *со всем Закавказьем в целом административно никогда не была связана*. Через три перевала она тяготела к бассейну Кубани. От Мингрелии ее отделяла весьма четко неудобная для переправы река Ингури, от Имеретии — более низкий, чем Кавказский хребет, но совершенно глухой, не удобный топографически, лишенный проходов хребет Хурум.

Эти реальные преграды, бывшие веками и даже тысячелетиями естественными барьерами, отделявшими и даже изолировавшими Абхазию от Грузии, стали фактически позднее игнорироваться при заново созданном в середине 20-х годов административно-национальном делении страны. Но административно-юридическим фактом тем не менее остается то, что *Абхазия никогда до 1922 года ни в пределы Закавказья вообще, ни в состав Грузии в частности не входила*.

Как уже упоминалось выше, Октябрьская революция, ликвидировав царскую администрацию в Грузии, автоматически освободила Абхазию от политико-административного и национально-культурного плюс религиозного давления ее соседки.

Уже один этот факт способствовал стремлению абхазского народа восстановить свою государственность.

Однако вследствие изолированности Абхазии власть в ней захватили в конце 1917 года грузинские меньшевики, хотя крестьянские массы абхазцев их отвергали. В результате в феврале 1918 года на несколько дней была даже восстановлена советская власть в Абхазии, а в апреле 1918 года **Кераз** — крестьянский орган абхазцев — вторично ликвидировал меньшевистскую власть, и вновь на пару недель, так как в Абхазию был направлен грузинским меньшевистским правительством карательный отряд генерала Мазниева, который фактически истребил крестьянское абхазское население Кодорского и Гудаутского уездов. Часть абхазцев в этой обстановке привела из Турции десантный отряд из бывших абхазцев и турок, который, однако, по своей малочисленности не при-

нял боя с карательными частями генерала Мазниева и бежал в Турцию, после чего вся Абхазия фактически подверглась геноциду.

Насилия грузинских карателей были столь чудовищны, что меньшевики-абхазы демонстративно вышли из СДП Грузии. К 27 июля 1918 г. дивизия Мазниева, выйдя за пределы Абхазии, подошла к району Туапсе, поскольку грузинское меньшевистское правительство поставило задачу присоединить к Грузии возможно большую часть Черноморского побережья. Но тут грузинские войска столкнулись с деникинской белой армией и были отброшены ею до Гагры, где произошло сражение между грузинами и деникинцами. Абхазия оказалась открытой для присоединения ее к белой России, но продвижение деникинцев было приостановлено не военным, а чисто дипломатическим путем вследствие вмешательства английского командования зоны Восточного Средиземноморья через английского атташе при штабе Деникина. Абхазия была объявлена «Абхазским комиссариатом», находящимся «под покровительством английской короны».

Так Абхазия вновь стала объектом международных отношений и решений уже в новейшее время. Охрану ее приняли английские оккупационные войска, вступившие и в пределы собственно Грузии. Деникин подписал с грузинами соглашение, по которому граница между Россией и Абхазией устанавливалась по реке Адлер, а сама Абхазия признавалась «нейтральной зоной» под временным английским протекторатом. Грузия также обязалась не вторгаться в нее.

Таким образом, уже в 1918—1920 годах для Абхазии создавалась ситуация, несколько напоминающая нынешнюю, в 1995—1996 годах, ибо и тогда, после разорительной войны и грузинской интервенции, Абхазия формально объявлялась на неопределенное время нейтральной территорией при наличии некоего сильного иностранного посредника (Англии), способного воздействовать на обе конфликтующие стороны.

Как же развивалась эта ситуация далее?

Абхазское крестьянство, оправившееся после грузинского погрома 1918 года, а также остальное население Абхазии, разумеется, не желали сохранения в стране иностранной английской оккупации да и не были прельщены перспективой превращения в английскую колонию, хотя это обеспечивало «мирное», без военных действий, существование. Массы выступали за полную независимость Абхазии, и потому на съезде крестьянства Черноморья, состоявшемся в Гагре 18 ноября 1919 г., высказались за создание повстанческих отрядов с целью разбить стоявшие на северной границе деникинские войска, выгнать английские небольшие охранные группы, соединиться с «Зеленой Советской Армией», действовав-

шей в районе Новороссийска—Туапсе, на подходах к Закавказью, и провозгласить из адыго-шапсугских и абхазских районов Черноморья «Черноморскую народную республику». План этот взяли на себя проводить эсеры, создавшие в Гагре свой орган — КОЧ (Комитет освобождения Черноморья), который, однако, не имея достаточных собственных сил, решил принять помощь «оружием и деньгами» со стороны Грузии, надеявшейся таким путем восстановить свои позиции в Абхазии.

Действительно, крестьянские отряды Абхазии провели удачное наступление на Сочи, слились у Туапсе с «Зеленой Армией» в единую «Красную Армию Черноморья», Реввоенсовет которой обязал КОЧ ввести советскую власть в Абхазии. Однако 12-тысячная Красная Армия Черноморья не могла сдержать новую волну наступления с Кубани казачьих белых сил, с которыми она столкнулась у Новороссийска. А с юга КОЧ, сошедший с политической сцены, передал власть в Абхазии вновь грузинским меньшевикам, которые ввели свои войска, воспользовавшись уходом английских команд, под давлением вооруженных отрядов абхазских повстанцев. Так в течение всего 1920 года и еще двух месяцев 1921 года (до марта) Абхазия в третий раз с 1917 года оказалась оккупированной грузинскими меньшевистскими войсками. Не удивительно, что уже в конце февраля 1921 года при известии об изгнании меньшевистского правительства из Тифлиса и о приближении Красной Армии на этот раз не с севера, а с востока в Абхазии было поднято восстание против грузинской администрации, и 4 марта, на Съезде Советов Абхазии было провозглашено образование Абхазской ССР, равноправной и равнополномочной с ранее образованными республиками Закавказья.

Таким образом *Абхазия стала* по времени образования последней, *четвертой союзной республикой Закавказья*, а позднее членом федерации — ЗСФСР¹.

В течение всего 1921 года новое грузинское руководство (в Тифлисе находилось Кавбюро Закавказья, т.е. будущий крайком РКП(б)) старалось убедить руководство абхазской организации РКП(б) в необходимости для маленькой Абхазии войти административно в состав Грузии на основе автономии для облегчения создания общего хозяйства и управления в регионе.

При этом делались, естественно, ссылки на то, что политически отныне Грузия и Абхазия едины и поэтому нет оснований для особого выделения Абхазии в совершенно отдельную союзную республику.

Однако эти убеждения мало действовали на абхазское руководство РКП(б) — тогда окружком РКП(б), — так как стоявшие во главе его Е.А. Эшба (1893—1939), Н.А. Лакоба (1893—1936),

Акиртава и другие хорошо знали за предыдущие десятилетия, что такое грузинский национализм, были свидетелями грузино-армянской войны 1918 года и грузино-аджарской войны 1919—1920 годов, а также сами испытали в 1918 году, а затем в 1920 году все «прелести» грузинской оккупации Абхазии.

Главное же состояло в том, что, будучи не только и не просто партийными функционерами, но и видными представителями крайне немногочисленной абхазской интеллигенции², они отчетливо сознавали несовместимость абхазцев и грузин в чисто этнической области, то есть в вопросах языка, культуры, обычаев и религии, и хорошо представляли, какие практические трудности могут возникнуть в результате принудительного сожительства этих двух народов. Поэтому, будучи коммунистами, сознавая и признавая теоретически необходимость объединения народов Закавказья в единую федерацию, они в то же время *последовательно отстаивали для Абхазии право входить в эту проектируемую федерацию как союзная республика, 4-я в Закавказье*, а не как автономная республика в составе Грузии, ибо понимали, что абхазцы не менее, а даже более отличаются от грузин, как отдельная, особая нация, чем соседние армяне или азербайджанцы. Поэтому провозглашение Абхазии союзной, а не автономной республикой рассматривалось ими как *логичное и отвечающее национальной политике партии мероприятие*.

В течение почти года, с 4 марта 1921 г. по 16 декабря 1921 г., Абхазия поэтому существовала как *совершенно отдельная республика*, в партийном отношении подчиняющаяся лишь ЦК РКП(б) в Москве. Только благодаря нажиму из Москвы со стороны лично И.В. Сталина как Генерального секретаря ЦК и через Наркомнац, абхазские руководители пошли на *подписание договора с Грузией о союзе*. Грузино-абхазский договор между двумя союзными республиками — Абхазской ССР и Грузинской ССР — предусматривал их *объединение для более рационального решения народнохозяйственных задач и укрепления дружбы народов Закавказья*. Ни о каком *вхождении* Абхазии в Грузию речи не шло. В абхазском тексте договора совершенно недвусмысленно говорится об *объединении* (усилий, ресурсов, планов, возможностей и т.д.), но не об административном вхождении или подчинении. Абхазско-грузинский союз мыслился как первый шаг по укреплению дружбы и доверия между народами Закавказья. *Юридически* же договаривающиеся стороны *сохраняли свой статус независимых и свои прежние наименования*: Абхазская ССР и Грузинская ССР.

Когда же спустя еще год, в декабре 1922 года, была создана Закавказская Федерация, то в ее конституции, принятой 13 декабря 1922 г., был предусмотрен выбор трех председателей ЗСФСР, то

есть от Грузии, Азербайджана и Армении, а не четырех, по числу вошедших в ЗСФСР союзных республик. Таким образом, юридические права Абхазии оказались «по-товарищески» ущемлены, причем никаких серьезных оснований для этого не выдвигалось, а пускались в ход лишь кулуарные, неофициальные ссылки на малочисленность населения (150 тыс. человек) и на незначительность территории Абхазии (равна острову Кипр), чтобы тем самым объяснить, почему Абхазия не может претендовать на равное положение в ЗСФСР с 2,5-миллионной Грузией, 2,3-миллионным Азербайджаном и миллионной Арменией.

Таким образом, сложилось ненормальное с юридической точки зрения положение: формально в ЗСФСР было четыре союзные республики, но лишь три из них имели полноправное, закрепленное в Конституции представительство в органах ЗСФСР. Это было уже явной, формально зафиксированной дискриминацией Абхазии и ее прав как союзной республики.

Тем не менее до 1930 года Абхазия сохраняла свое наименование *Абхазской ССР*. Лишь в 1930 году последовало еще одно чисто правовое ущемление государственных прав Абхазии: под давлением ЦК ВКП(б) и лично по указанию И.В. Сталина ЦИК Абхазии после долгих дискуссий вынужден был издать закон от 17 апреля 1930 г. о закреплении единства Абхазии и Грузии, а в 1931 году, в период, когда Заккрайкомом ВКП(б) руководил Берия, Абхазия была буквально принуждена к тому, чтобы официально отказаться от статуса и наименования союзной республики, и стала числиться Автономной республикой в составе Грузинской ССР. Но лишь с 1936 года это положение было официально и публично закреплено в Конституции СССР, после ликвидации ЗСФСР.

Таким образом, в советское время, с 1921 по 1931 год, Абхазия формально, юридически сохраняла звание *союзной* республики, то есть страны, государственность которой фактически признавалась на международном уровне, поскольку лишь союзные республики обладали легитимным правом выхода из СССР и тем самым за ними формально-юридически признавалась возможность стать субъектами международного права. Это тоже немаловажный правовой прецедент, имеющий значение при определении государственной судьбы Абхазии.

3. Краткие выводы

Итак, резюмируем те юридические аргументы, которые дают основание на вынесение положительного вердикта о государственной независимости Абхазии.

1. *Исторический прецедент* самостоятельного существования абхазского жизнеспособного *государства* на протяжении *почти 600 лет*.

2. Подтвержденная неоднократно и фактически (восстаниями в XVIII—XIX вв.), и документально (протестами, обращениями, петициями в XX в.), в том числе и в советское время, в 1957, 1964, 1967, 1978, 1989 и 1991 годах, *невозможность объединенного абхазского и грузинского управления и совместного проживания народов этих стран*.

3. *Конституционные права Абхазской республики на ранг союзной республики* (т.е. легитимного государственного образования, обладающего международно-правовым статусом), завоеванные народом Абхазии в национально-освободительной борьбе в 1917—1921 годах.

4. *Административно-юридические основания* (документальные), подтверждающие тот факт, что *Абхазия в составе Турецкой и Российской империй никогда до 1922 года не имела административного подчинения или даже связи по административной линии с Грузией*.

5. Наконец, правовой аспект в XX веке содержит в себе и *право наций на самоопределение вплоть до отделения* в самостоятельное государство.

Для Абхазии обычное действие этого права усиливается особенно тем, что в абхазо-грузинском конфликте решающую роль в факторе несовместимости этих наций приобретает *несовместимость национальной психологии и особенно абхазского и грузинского языка*.

Абхазский язык по грамматическому строю близок языку басков (народ на Севере Испании), а фонетически имеет 75 отдельных звуков, отличается *полногласием* и имеет 58 букв в своем национальном алфавите. Грузинский же язык имеет 33 звука и столько же букв в алфавите, причем является фонетически языком с поразительным *сочетанием согласных* — по 5—6 согласных подряд, что делает грузинский язык практически недоступным для абхазцев.

Ни на языковом, ни на психологическом уровне грузин и абхазец несовместимы. Обречь их на сожительство вместе — либо издевательство, либо безрассудство, и уж во всяком случае — проявление полнейшего невежества.

И именно этого обстоятельства не может не учитывать любой суд при решении вопроса о *допустимости* совместного существования этих народов-антиподов на одной территории.

Их отделила друг от друга история, этнография, топография плюс сама природа языка и речи.

Политика и юриспруденция должны учесть эти обстоятельства и также решительно провести между ними границу, воздвигнуть государственный барьер, который станет гарантией мира и неприкосновенности для обоих этих народов и тем самым гарантирует им обоим счастливое и спокойное существование, а не перманентный ад на земле.

¹ Азербайджанская ССР была образована 27 апреля 1920 г.

Армянская ССР — 2 ноября 1920 г.

Грузинская ССР — 25 февраля 1921 г.

Абхазская ССР — 4 марта 1921 г.

² Эшба учился до революции в Московском университете, а Лакоба — в Тифлисской семинарии.

Статья поступила в редакцию 27 октября 1996 г.